

2207

В ЖИЗНИ народа бывает такое состояние, такие времена, когда как бы само время призывает в поэзию своих поэтов. Это касается прежде всего поэзии «фронтного поколения», в котором, может, одним из определяющих и характерных поэтических явлений стала лирика Сергея Наровчатова.

Начало его поэзии пронизали токи предчувствия войны. Это накануне грозного времени. Стихи без прикрас, стихи, в которых обнажена глагольная сущность слова, стихи — «приказы по поколению»:

Стучи же, размашистое,
стучи,
С тобой мы многого стоим...
Будут первые залпы в ночи,
Будут разведки боем.

В таком пророческом напряжении написались эти стихи в 1939 году — первые стихи от имени своего поколения, стихи, обращенные в завтра.

Это подготовка к будущим боям и подготовка к большой поэзии. У Сергея Наровчатова это чувство реального завтра предопределило и его реальный лиризм, поэзию без романтизма юношеского возраста. Я здесь говорю только о духовном возрасте. Так вот, его поэзия — это поэзия, в которой нет, как для темы сердца, ни детства, ни юности, а есть сразу зрелость, сразу мужание, и только как мгновенная вспышка — краешек предвоенной молодости. Без этой страшной «перегрузки» впечатлениями войны не было бы и Сергея Наровчатова как поэта фронтного поколения.

Были у него стихи, написанные из «разведки боем»:

Лгущая красивыми
строками!
Мы весь порох пестрого
тряпья
Твоего, романтика,
штыками
Отшвырнули напрочь
от себя.

Так в двадцать лет произошло окончательное расставание с миром юности. И это, пожалуй, острее и значимей своих сверстников почувствовал Сергей Наровчатов, чей стих уже в первых пробах внешне неприхотлив, без красок, без образов, без определений — острый, глагольный, разящий, как штык. И язык его — это язык донесений, сводок и сообщений. Внятный. И только о самом главном. Позже, уже после большой войны, он станет обстоятельным, подробным, но это уже будет язык, помогающий воспоминаниям «вспомниться». Это стих, где слова кажутся обугленными. Это стиль человека, свидетельствующего перед будущими поколениями, перед историей:

По земле поземкой
жаркий чад.
Стонет небо,
стон проходит небом!
Облака, как лебеди, кричат
Над сожженным хлебом.

Что-то есть в этих стихах от репортажей, только в высоком, поэтическом значении этого слова. Репортажей из сердца. Из гнева. Так выработался суровый наровчатовский стиль, где все другие изобразительные средства были отпущены, даже отсечены точностью, по-

тому что мир его фронтовых и предфронтовых стихов сосредоточен на главном — на чувстве испытания. И между добром и злом в нем нет нейтральной полосы. Все имеет свой знак. Свой смысл. Свое направление. Это мир с двумя измерениями: вперед — назад, победа — поражение. Мир, где две краски — черное и красное — земли и крови, жизни и смерти. Мир без сомнений. Ибо сомнение — это ложь. Страшный, пепельный мир первых дней отступления:

Я проходил, скрипя зубами,
мимо
Сожженных сел,
казненных городов,
По горестной, по русской,
по родимой,
Завещанной от дедов
и отцов.

ВРЕМЕНЕМ ИСПЫТАННЫЕ СТРОКИ

Родная земля у него измеряется не дорогами, не поездками, а всецело, во всей своей неизмеримой физической и исторической совокупности.

Глаза, долго смотрящие в пламя, слепнут. В трагедию своего народа, в его безмерное горе смотрел все годы войны поэт — и во взгляде его выгорели все краски мира, кроме этого черно-белого видения:

Заминал над деревнями
пламя,
И ветер, разносивший
жаркий прах,
И девушек, библейскими
геозами
Распятых на райковских
дверях.

Так в нем «прозрела» печаль его страны и человеческая история. Сквозь гул войны он как русский поэт сумел расслышать человечество.

Вот почему и Родина у него познается не через впечатление детства, а через историю — недавнюю, участником которой он является, и через нравственные ее корни, как гораздо позже, на пике поэтической зрелости, — в «Василии Буслаеве».

А пока многие его стихи середины войны — как свидетельские показания:

Я слишком часто выдвигал,
как пламя
Жилье и жизнь под самым
корнем жглю,
И я гляжу широкими
глазами,
Как из золы опять
встает село.

Это написано в июле 1943 года. И сейчас, через годы, нам передаются эта жажда жизни, горькое и жуткое чувство ее цены, обзримая жестокая кратковременность бытия.

Ему еще некогда вглядываться в себя: мир его чувств — на виду. А когда, уже гораздо позже, в наши годы, он вглядывается — то опять увидит в себе, в своем не себя, а лица товарищей, свое поколение... По-

жалуй, в поэтической истории человечества не было еще такого неделимого на отдельные лирические индивидуальности поколения.

Это не значит, что у Сергея Наровчатова нет своего лица. Я просто говорю о лице «сквозь лица», как в солдатском строю.

Дальше будет победа, радость обретения мира — но навсегда останутся это умение ценить каждый миг жизни и жажда жить во имя счастья.

Не зря в одной из своих статей поэт так выразит эту неукротимую временем жажду: «Но если говорить о направленности поэзии, то для меня она — поиски счастья». Но поиски этого счастья — не в себе, не в своих размышлениях, а на гулких дорогах истории,

человек другой биографии, другого направления памяти. И не зря даже в шестидесятые годы снегопад для него «старинный» — «По переулкам узким и горбатым опять старинный плещет снегопад». Он как бы из другой, так и не состоявшейся реальности.

Так после половодья гибнет мелколосье, и остаются только большие деревья — большие темы, широкие глаза...

Встреча с природой — это встреча с чем-то необыкновен-

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Сергей НАРОВЧАТОВ

ным, чудесным и даже непонятным:

Я осень давно не встречал
в лесу
И, удивленный,
глазю в оба,
Как в тихих ладнях ветры
несут
Кленовое золото
высшей пробы.

Это взгляд в прохладу из пелка, в тишь из гула, это попытка остаться наедине с собой. И мы видим, как это трудно дается поэту.

Даже в стихах о любви ему трудно чувствовать по «обычным» нормам. И на любви его лежит печать предельности, кратковременности:

И где бы я ни был —
на всех раздороженьях,
Куда бы мой жребий меня
ни бросал, —
Имя твоё, словно имя
божье,
Как солдат в станину,
я от бед призывал.

Он не столько любит, сколько обращается к Ней то за помощью, то с радостью, то с печалью. Эта любовь — из разлуки. Из прощания. Она еще не состоялась во всей своей жизненной полноте, но должна состояться. Она становится в один ряд со словами Родина — мать — совесть — долг:

С тех пор я один
перед светом в ответе,
Но в осень сырую,
в палящий мороз
Через семь громыхающих
месяцев этих
Тебя я как совесть
свою пронес.

Это еще и любовь издалека. Оттого в ней столько призыва. Через эту житейскую любовь еще не осуществляется поэт как личность.

Я уже говорил об историзме поэтического мышления поэта — он шел и от биографии времени, и от чувства слитности с этой биографией.

Полнее всего и значимей это чувство выразилось в поэме «Василий Буслаев». Поэма эта — апология русского «избыточного» и в радости, и в печали характера. Василий Буслаев никак не может найти применение своей нескончаемой си-

ле. Отсюда и гульба. Отсюда и озорство. И похвальба. Ему страшно остаться наедине с собой. Страшно заглянуть в себя, боязно подумать — «для чего дана эта сила». Он и власть терпит потому, что не признает никаких законов — он свободен от законов, от правил, от всего, что сдерживает его разгульную силу. Таков Василий Буслаев Сергея Наровчатова. Все мог одолеть Буслаев — но не колокол, язык вече — народную совесть. Не перескочил он колокола:

Колокол! Колокол! Колокол!
Гремит новгородское вече,
В нем слово звенит
человечье

Гордой совестью,
гордой речью...

Он — герой без победы. Он мог стать подвижником, героем — но не захотел им стать. Его трагедия — это трагедия не укрощенного человеческого правдой характера...

В этой поэме Сергей Наровчатов, может быть, впервые в советской поэзии после Блока, верно почувствовал рабский стих, его внутреннюю свободу. Он его не воспроизводит в качестве стихового раритета, а сам входит в его стихию, заражается этой стихией. И это тем более удивительно для поэта, я бы сказал, образно-аскетического стиля, каким он предстает почти во всех своих стихах, и особенно в недавно созданной поэме «Фронтная радуга». В сущности, Николай — не просто герой этой поэмы, он — собирательный образ всего наровчатовского поколения:

Подписала последний счет
Времени
бесконечность.
— Неужто
нас будущее зовет?
— Да, — ответила
Вечность.

Так гражданственно понимает поэт себя, время и своих товарищей. И не зря в книге раздумий и воспоминаний «Мы входим в жизнь» он напишет: «Надо мной всегда имело осязаемую власть прошлое, причём не только тысячелетнее и столетнее, но свое собственное, совсем близкое». Конечно, в человеке больше всего прошлого. Но прошлое Сергея Наровчатова — это и солнечные встречи с венгерским поэтом-коммунистом Анталом Гидашем, русскими поэтами Н. Асеевым, И. Сельвинским, с поэтами своего поколения — М. Лукониным, М. Кульчицким, Н. Майоровым, и главное — время «Песен Коминтерна», «Солдат революций», которые «вершат над миром суд».

Словно само время создало в Сергее Наровчатове поэта гражданской памяти. В ней нет смерти для его так давно погибших товарищей, а есть только жизнь:

...ни главнее, ни важнее
Ни увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот sereneйший рассвет.

Это большая поэзия, это большое время, заговорившее языком поэта, солдата, гражданина.

Владимир ЦЫБИН